

Ван Сюань стоял на коленях у больничной койки, бережно сжимая сухую, истончившуюся ладонь своего наставника. Мастер Цинь был уже совсем плох, и все понимали: этот год ему не пережить. Кислородные канюли в носу едва помогали дышать — грудь старика вздымалась с натужным хрипом. Приоткрыв затуманенные, подернутые дымкой увядания глаза, он посмотрел на Ван Сюаня, словно пытаясь напоследок сказать что-то важное. Но сколько бы ни приоткрывался сухой рот, наружу вырывалось лишь прерывистое, свистящее дыхание. Голос покинул его навсегда.

Против дряхлости и застарелых недугов медицина бессильна — когда искра жизни угасает, никакие приборы не удержат ее в брэнном теле.

Слезы непрерывным потоком катились по щекам Ван Сюаня. Мастер Цинь, заметив это, встревожился — в его мутном взгляде промелькнула безмолвная просьба не плакать. Поняв его без слов, Ван Сюань поспешно утер лицо рукавом, но слезы упрямо продолжали течь, обжигая кожу.

— Учитель, — тихо позвал Ван Сюань, — старшие братья и сестры ждут в коридоре. Впустить их?

Старик тяжело, натужно задышал и прикрыл глаза. Ван Сюань, так и не выпустив его иссохшую руку, обернулся и кивнул медсестре. Через полминуты дверь палаты бесшумно отворилась, и вошли несколько человек — официальные, посвященные ученики мастера Циня.

Время никого не щадило: эти люди и сами давно состарились. Среди них были седовласые, немощные, опирающиеся на костыли и трости. Мастер Цинь лежал с закрытыми глазами, и никто не смел нарушить его покой. Лишь когда дыхание старика немного выровнялось, он вновь разомкнул веки и медленно, по очереди, обвел взглядом своих учеников.

Тем временем в мчащемся по улицам автомобиле Ли Кай торопил водителя:

— Лао Гао, прибавь ходу! Плевать на штрафы, главное — довези нас целыми и невредимыми. Только бы успеть.

Рядом с ним на заднем сиденье притихли трое ребятешек — Ван Сюань сам попросил привезти их. Весь последний месяц старый мастер угасал, и все понимали, что развязка близка, однако неизбежность конца не делала горе Ван Сюаня легче. Он места себе не находил от тоски и последние дни практически безвылазно провел у постели наставника.

Получив скорбный звонок из больницы, Ли Кай сразу понял: час пробил. Мешкать было нельзя — нужно дать детям возможность проститься с праучителем.

К моменту рождения тройняшек здоровье старого лекаря окончательно пошатнулось: он больше не выходил на вызовы и принимал лекарства под строгим присмотром. Известие о том, что у Ван Сюаня родились наследники, принесло ему огромную радость, и он постоянно просил

привозить правнуков к нему в Сыхэюань.

Если Ли Кай и Ван Сюань были заняты на работе, за дело брался вышедший на пенсию Лю Юань. Он часто заезжал за ребятами и отвозил их к праучителю, который души в них не чаял и баловал без меры.

— Папа, праучитель Цинь сильно заболел? — раздался тонкий голосок из темноты салона. Из уважения к наставнику Ван Сюаня дети звали старика праучителем.

— Да, родной, на этот раз все очень серьезно. Папа Сюань передал, что праучитель очень хочет вас видеть. Нам нужно поспешить, чтобы успеть сказать ему самые важные слова.

— Я тоже соскучился по праучителю, — подал голос маленький Чэншань. Он обожал гостить у бабушки Циня: тот всегда с доброй улыбкой потакал любым его капризам и кормил самыми вкусными лакомствами.

Ли Кай тихо вздохнул. Он колебался, стоит ли сейчас говорить с малышами о смерти. Судя по всему, они так и не поняли истинного значения слов о «последней встрече». Погладив Чэншаня по мягкой макушке, он мягко наказал всем троим:

— По приезду ведите себя послушно, хорошо? Никаких капризов. Попрощайтесь с праучителем ласково и тихо.

Чэнху озадаченно моргнул, явно собираясь о чем-то спросить, но в этот момент автомобиль замер у больничного корпуса. Ли Кай помог сыновьям и дочке спуститься на землю и поспешно повел их внутрь, поднимаясь на нужный этаж.

В коридоре перед палатой уже собрались люди. Заметив вышедшего из лифта Ли Кая с выводком ребятишек, они с любопытством зашушукались. Но стоило мужчине уверенно повести детей к палате старого мастера, как праздные взгляды сменились пониманием. В палату такого уровня из-за былых заслуг пускали лишь избранных, и все присутствующие здесь собрались только ради одного человека — Национального мастера медицины.

Ли Кай тихо постучал и, перекинувшись парой слов с дежурным у двери, проскользнул внутрь. Сердце его сжалось от жалости при виде Ван Сюаня — глаза того покраснели и припухли от долгих слез. Впрочем, времени на утешения сейчас не оставалось. Ван Сюань сразу же потянул детей к постели умирающего и, коснувшись пальцев старика, тихо позвал:

— Учитель... Посмотрите, Чэнху, Чэншань и Чжэньчжэнь приехали навестить вас.

Стоявшие у постели старшие ученики понимающе переглянулись и деликатно отвели глаза. Никто в медицинских кругах не сомневался: Ван Сюань был любимцем старого мастера, его главной гордостью, о которой тот всегда говорил с благоговением. Неудивительно, что эта

безграничная нежность распространилась и на детей младшего ученика — мастер Цинь пожелал благословить их перед самым концом.

Малыши испуганно притихли, глядя на иссохшего, осунувшегося праучителя. Тот жизнерадостный, ласковый дедушка, который всегда встречал их у ворот своего двора, сейчас казался чужим и незнаваемым. Болезнь безжалостно изменила его облик.

— Праучитель, — хором пролепетали они детскими голосками.

Словно услышав их призыв, старик медленно приоткрыл глаза. Увидев перед собой чистые, наивные детские лица, он едва заметно шевельнул губами, сиюсь ободрить их улыбкой. Мастер Цинь хотел погладить ребят по головам, но обессиленная рука не поднялась. Тогда Ван Сюань бережно взял его ладонь и по очереди опустил на макушку каждого ребенка. Старик снова слабо, но бесконечно нежно улыбнулся.

— Праучитель, ты сильно заболел? Да? Тебе дают невкусные, горькие лекарства? — участливо спросил маленький Чэншань, забавно сморщив носик.

— Праучитель, где у тебя болит? Покажи папе Сюаню! Он у нас самый лучший доктор, он обязательно тебя вылечит, — серьезно добавил Чэнху.

— Ты только слушайся врачей, тогда быстро поправишься, — наставительно произнесла Чжэньчжэнь. — И кушай побольше, не вредничай за столом, как наш Чэншань.

От этих бесхитростных детских слов лицо умирающего словно озарилось изнутри, а в глазах на мгновение затеплился осмысленный, живой огонек. Но у стоявших рядом учеников болезненно сжались сердца: неужели это та самая вспышка перед концом, кратковременный прилив сил перед неизбежным концом?

Малыши засыпали бы праучителя вопросами и дальше, но Ван Сюань мягко остановил их, объяснив, что дедушке нужен покой и его нельзя утомлять. Ребята послушно пожелали ему скорейшего выздоровления, пообещали прийти завтра и тихонько отошли назад, к Ли Каю.

Мастер Цинь проводил их взглядом, полным тихой нежности, и только когда дети повернулись к выходу, бессильно опустил веки.

Ли Кай вывел тройняшек в коридор. Малыши шли молча, явно растерянные и испуганные — они чувствовали, что происходит нечто непоправимое, но детское сознание отказывалось это принимать. Им хотелось вернуться в палату, позвать праучителя, но строгий вид отца не позволял спорить.

— Папа, что с праучителем? Почему он такой слабый? Разве папа Сюань не может дать ему волшебное лекарство или сделать укол, чтобы все прошло? — дергая Ли Кая за рукав, спросил

Чэншань.

— Ваш праучитель прожил очень долгую жизнь, родные. Он очень устал и скоро уйдет в другой, далекий мир, где ему больше не будет больно.

— А куда он уйдет? — спросил Чэншань, шмыгая носом. — Мы сможем приходить к нему в гости?

— К сожалению... больше нет.

— Папа, ты ведь хочешь сказать, что праучитель умирает? — вдруг спросил не по годам смысленный Чэнху. — В мультиках всегда говорят про «далекие края», когда кто-то умирает. Мы все понимаем.

Ли Кай на секунду замялся, пораженный пронизательностью сына, но затем тихо ответил:

— Да, малыш. Это так. Каждому из нас суждено пройти этот путь.

— Нет, я не хочу, чтобы праучитель умирал! — залился горькими слезами Чэншань. — Папа, сделай что-нибудь, спаси его, пожалуйста!

Услышав это, Чэнху и Чжэньчжэнь тоже жалобно сморщились. Из их глаз покатались крупные слезы; они с надеждой уставились на Ли Кая, словно их всемогущий папа мог отменить саму смерть.

Ли Кай почувствовал, как к горлу подкатил ком. Он присел перед ними на корточки и бережно обнял всех троих:

— Папа здесь бессилен, мои хорошие. Ни один человек в мире не может спорить со смертью. Пройдет много лет, мы с папой Сюанем тоже состаримся и уйдем вслед за ним...

— Нет! Не надо! Не умирайте! — хором взвыли дети.

Коридор огласился отчаянным ревом. Троица дружно повисла на Ли Кае, обхватив его за ноги своими маленькими ручонками, умоляя никогда-никогда не оставлять их. Глядя на их искреннее детское горе, Ли Кай и сам едва сдерживал слезы.

— Ну-ну, тише, успокойтесь, — ласково погладил он их по спинам. — Мы с папой Сюанем никуда не собираемся. Мы проживем еще очень долго: увидим, как вы вырастаете, женитесь, заведете своих деток, а потом еще и ваших внуков понянчим.

Ли Каю стоило немалых трудов успокоить расхोдившихся не на шутку малышей. Он вывел их на улицу и передал на руки водителю:

— Лао Гао, отвези ребят домой. Следи, чтобы все было в порядке. А потом сразу возвращайся сюда — боюсь, машина понадобится нам сегодня еще не раз.

Лао Гао был надежным человеком — закаленный армейской службой ветеран, он работал у Ли Кая уже много лет, и тот доверял ему безоговорочно. Кое-как усадив притихших детей в салон, водитель завел мотор. Ребята с грустными лицами прильнули к стеклам окон, вяло маша отцу ручками.

Ли Кай помахал им в ответ и ласково крикнул:

— Спрячьте головы в салон, а то дядя Гао сейчас закроет окна. Дома ведите себя послушно и не балуйтесь. Мне нужно остаться здесь и побыть с папой Сюанем.

Поздним вечером мастер Цинь впал в беспамятство. Врачи прекратили всякое лечение: естественную кончину не вылечить, и теперь оставалось лишь покорно ждать, когда старик сделает свой последний вздох. Палата опустела. Ли Кай отыскал Ван Сюаня у окна в самом конце больничного коридора. Пальцы того были холодными как лед. Ли Кай взял его за руки и принялся бережно растирать их своими ладонями, делясь теплом.

— Дочь и зять учителя так и не прилетели, — глухим голосом произнес Ван Сюань, не поднимая глаз. — Мы поговорили со старшими учениками... Если они не успеют до... до самого конца, я возьму все заботы на себя. Провожу учителя в последний путь, как велит долг. Что скажешь?

— Конечно. Я во всем тебе помогу, — мягко ответил Ли Кай.

Ван Сюань действительно почитал наставника как родного отца. И старый лекарь отвечал ему взаимностью: он не только передал любимому преемнику все секреты своего мастерства, но и делом помог, когда тот решил открыть собственную клинику. Каждый раз, когда Ван Сюань привозил к нему внуков, в просторном Сыхэюане воцарялось подлинное семейное счастье.

Дочь мастера Циня так и не успела прилететь — старик тихо угас той же ночью.

За время похорон Ван Сюань страшно осунулся и похудел. Лицо его побледнело, щеки ввалились от непреходящего горя и бесконечных изнурительных хлопот.

Мастер Цинь не был рядовым врачом китайской медицины — о его кончине объявили в главном выпуске новостей, выразив официальные соболезнования на государственном уровне.

Согласно его воле, саму церемонию организовали скромно, но проводить покойного в последний путь пришло невероятно много людей. Ровесников и близких друзей доктора Циня уже давно не было на этом свете, зато собрались сотни благодарных учеников, преемников, чиновников от здравоохранения и просто тех, кому он когда-то спас жизнь. Проводы получились тихими, но исполненными глубокого уважения.

— Наш учитель прожил долгую, достойную жизнь, — ласково обнимал мужа Ли Кай. — В его почтенном возрасте уход — это избавление от земных недугов.

— Знаю, все понимаю, — качал головой Ван Сюань, прижимаясь к его плечу, — но сердце все равно разрывается.

Старый лекарь действительно был редким долгожителем, перешагнувшим столетний рубеж. За последние годы многие его первые ученики, обремененные болезнями, ушли из жизни раньше своего учителя. Прямых последователей осталось совсем немного, в основном школу представляло уже третье и четвертое поколение лекарей. Самыми молодыми среди прямых учеников мастера Циня оставались лишь Ван Сюань и Су Хэвэн. Когда все старые друзья и близкие один за другим уходят в мир иной, жизнь неизбежно превращается в череду одиноких дней. Наверное, в последнее время старику бывало очень одиноко.

Доктор Цинь оставил подробное завещание. Каждому из выживших учеников полагалась доля наследства, но великолепный исторический Сыхэюань старик безоговорочно отписал Ван Сюаню. В воле покойного значилось: Ван Сюань должен продолжить дело всей его жизни в старой домашней лаборатории и сохранить традиции их медицинской школы.

Ван Сюань не знал, как отреагировали на это решение другие наследники, но сам он не на шутку растерялся. Подобный старинный Сыхэюань стоил астрономических денег, да и купить его на открытом рынке было практически невозможно. Он сразу же уточнил у семейного юриста, нет ли каких-то дополнительных распоряжений.

Юрист утвердительно кивнул:

— Да, все верно. Документ был составлен и подписан моим доверителем более года назад, одновременно с остальными соглашениями. Здесь также есть отдельный пункт: если к моменту его кончины дочь с зятем вернутся в Китай, все его банковские сбережения переходят к ним. Если же нет — средства подлежат передаче на благотворительность под вашим общим надзором.

Единственная дочь старого лекаря так и не вернулась из-за границы. Об этом знали все: и Ван Сюань лично пытался связаться с ней по международной линии, и другие старшие ученики обрывали телефоны. Факт оставался фактом.

— В таком случае вступает в силу пункт о благотворительности, — резюмировал юрист.

Присутствующие ученики подтвердили это решение, поставив свои подписи и отпечатки пальцев на бланках согласия. Никаких возражений ни у кого не возникло.

Но когда речь зашла о Сыхэюане, Ван Сюань прямо посмотрел на пожилых соучеников:

— Решение учителя передать мне этот дом глубоко меня тронуло и удивило. Скрывать не стану — отказываться от наследства я не буду. В этих стенах живет память о мастере, здесь находится его уникальная лаборатория, которую я хочу во что бы то ни стало сохранить. Однако я внесу из личных средств сумму, равную полной рыночной стоимости этого Сыхэюаня, и пожертвую ее на благотворительность от имени покойного учителя. Пусть это станет благословением для его души. Прошу вас, старшие братья и сестры, стать свидетелями моего решения.

Это благородное заявление разом сняло все возможные вопросы. Даже если у кого-то из присутствующих и таилась обида, возразить на столь щедрый жест было нечего. Напротив, вдохновившись поступком младшего брата, все остальные ученики тоже решили внести свою лепту. В конечном счете каждый из них пожертвовал посильную сумму от имени ушедшего наставника.

Как только хлопоты подошли к концу, Ван Сюань тяжело слег. Многодневное нервное напряжение и изматывающий труд дали о себе знать — организм попросту не выдержал.

<http://bllate.org/book/19654/1996909>